

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. Л. БРОДСКОГО, А. Е. ГРУЗИНСКОГО,
Н. М. МЕНДЕЛЬСОНА, Н. П. СИДОРОВА.

Выпуск 3-й.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ.

А. П. ЧЕХОВ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ
===== И ЕГО ПИСЬМАХ. =====

СОДЕРЖАНИЕ: I. Предисловие автора. II. Автобиография. III. Хронологическая канва. IV. А. П. Чехов, его эпоха, среда, личность и творчество в воспоминаниях современников. V. Письма А. П. Чехова. VI. Письма к А. П. Чехову. VII. Из записной книжки А. П. Ч.—VIII—План „Лешего“. IX.—Библиография.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т-ва „В. В. ДУМНОВА, насл. бр. САЛАЕВЫХ“.
МОСКВА, = 1923 г.

«Не имевшая никакого успеха пьеса «Чайка» на казенном театре»... «Непонятый артистами Александринского театра, А. П. Чехов возродился из пепла, когда...» «Провалившие «Чайку» артисты казенной сцены» и т. д., и т. п. без конца... читаю я в газетах и слышу из уст ораторов вот уже более десяти лет... На эту тему исписано множество бумаги, написано бесконечное количество речей. Высказано не мало умных и вздорных соображений и предположений. Разобрано, что называется, по косточкам,—как, что и почему?

Я не хочу вступать в спор, не хочу опровергать ходячие мнения о «провале» пьесы «Чайка» на первом представлении в Александринском театре... Я хочу правдиво рассказать историю первой постановки пьесы «Чайка» в Петербурге.

Я думаю, что мой рассказ внесет луч света в это дело и представит хотя некоторый интерес.

Летом 1896 года я был назначен главным режиссером драматической труппы петербургских императорских театров.

Задавшись целью изменить коренным образом характер репертуара, я обратился ко многим выдающимся русским авторам, и в первую голову к Антону Павловичу Чехову, с просьбой дать свои пьесы для постановки на Александринской сцене.

Помнится, в августе я получил от Антона Павловича письмо, в котором он сообщил мне, что у него есть пьеса и что он охотно отдаст ее на императорскую сцену. Меня несказанно обрадовало это известие. Я с согласия директора театров И. А. Всеволожского включил пьесу в репертуар предстоящего сезона. Известие о постановке новой пьесы Чехова вызвало живейший интерес в труппе. В. Н. Давыдов, М. Г. Савина, М. И. Писарев, Н. Ф. Сазонов, В. Ф. Коммиссаржевская, С. Б. Аполлонский с нетерпением ждали чтения пьесы.

У Антона Павловича в труппе было много друзей и горячих поклонников. У всех в памяти была жива постановка его пьесы «Иванов». Г-жи Савина, Стрепцова, Абарина, Стрельская; г-л. Давыдов, Свободин, Далматов, Варламов, Арди с необычайным художественным подъемом и с чудным ансамблем сыграли «Иванова». Пьеса выдержала массу представлений и доставила автору и артистам выдающийся успех.

Понятно, почему труппа с нетерпением ждала постановки новой пьесы А. П. Чехова.

В середине сентября я получил в отписках «Чайку».

Помню, как сейчас, то впечатление, какое произвела на меня пьеса в чтении.

Написанная в мягких, акварельных тонах, проникнутая задумчивой грустью, жизненная до мельчайших подробностей, правдивая и тонкая по психологии действующих лиц, «Чайка» напоминала мне, по своему колориту и настроению, пьесы

Е. Карпов о постановке „Чайки“

на сцене Александровского театра в Петербурге.

В газетных фельетонах, в журнальных статьях, в рецензиях о пьесах А. П. Чехова, в мелких репортерских заметках о театре, в речах ораторов на театральные темы, на актерских и режиссерских съездах, на публичных лекциях и в частных спорах актеров, литераторов и публики, словом,—где только зайдет речь о пьесе А. П. Чехова «Чайка»—всюду повторяется в разных вариантах ходячее мнение о провале пьесы в Александринском театре.

И. С. Тургенев, и, в особенности, «Месяц в деревне». Хотя она не имела ни по содержанию, ни по характеру действующих лиц, ни по развитию драматической коллизии ничего общего с Тургеневской пьесой.

Будничность содержания, отсутствие сильных драматических моментов, обывательская серенькая, деревенская жизнь, серенькие русские, расплывчатые характеры, безвольные, засосанные средой люди... И среди них чудная, даровитая девушка,—Нина Заречная, с мутящейся душой, жаждущая света, простора, любви, ищущая идеала, выхода, шири для своего таланта...

Вместо любви Нина Заречная нашла пошлость, вместо служения высокому искусству—грязную сцену провинциального театра с полупьяными актерами, с грубой, неразвитой публикой, видящей в актрисе доступную женщину...

— «Я—Чайка!»—страдальческим голосом говорит Нина в последнем акте Трещлеву, придя к нему в непогожую ночь, и с разбитым сердцем, с отчаянием в душе, уходит в темноту осиротелого, осеннего сада, с голыми, лишенными листьев, деревьями...

Да, это правдивая, глубокая, сильная и так просто, так необыкновенно просто, без всяких фальшивых выкриков и театральных эффектов, написанная рукой большого таланта, драма...

Таково было мое впечатление при первом знакомстве с «Чайкой».

И я прекрасно понимал, что воплощение на сцене этой пьесы представляет задачу весьма большой трудности. С робостью я приступил к инсценировке пьесы.

Очень долго подробно мы обсуждали с Александром Степановичем Яновым, художником Александринского театра, план декораций, все детали постановки. Янов прекрасно чувствовал русский быт, русскую природу, любил ее и был увлечен пьесой Чехова.

С особенной тщательностью он разработал макеты декораций, по поводу каждой мелочи приходя советоваться со мной.

Я предполагал поставить «Чайку» не ранее середины ноября, но дело повернулось иначе.

Елизавета Ивановна Левкеева, юбилейный спектакль которой был назначен на 17 октября, просила меня отдать пьесу Ант. Павл. ей на бенефис. Отказать Елизавете Ивановне я не мог, хотя предупредил ее, что для нее нет роли в пьесе Чехова и что вряд ли мы успеем к 17 октября поставить пьесу... Мне не хотелось ставить пьесу на-смах, кое-как, с шести-семи

репетиций... Но Левкеева так облюбовала «Чайку», так лелеяла мысль иметь в бенефис пьесу Чехова, что и слушать ничего не хотела.

Она сама побывала в мастерской у Янова, взяла с него слово, что он напишет декорации к сроку, обратилась с просьбой к Антону Павловичу дать ей «Чайку» в бенефис.

Она ворвалась ко мне в кабинет, как буря, взволнованная и радостная, получив от Чехова разрешение на постановку «Чайки».

7 октября было первое представление пьесы «Пашенька», а 17-го юбилейный бенефис Е. И. Левкеевой за 25 лет службы на императорской сцене.

«Чайку» надо было поставить в девять дней. Срок более чем короткий! Вся моя надежда была на то, что опытные талантливые артисты, дружно, с любовью принявшись за работу, в конце концов выйдут победителями из трудного положения.

Я написал Ант. Павл. письмо, прося его наметить тех артистов, которых он хотел бы занять в своей пьесе. Для себя я уже составил распределение ролей в «Чайке». Скоро я получил письмо от А. С. Суворина. Он писал, что Ант. Павл. просил его назначить роли совместно со мной и прилагал распределение ролей.

В общем, наши назначения ролей совпали, но роль Нины Заречной Ант. Павл. назначил М. Г. Савиной, а я считал более подходящей для этой роли В. Ф. Коммиссаржевскую.

М. Г. Савина, мне казалось, могла бы создать изумительный образ Аркадиной. (М. Г. Савина и доказала это, сыграв с неподражаемым совершенством Аркадину при возобновлении «Чайки» в 1906 году).

Согласно желанию Ант. Павл., я распределил роли совместно с А. С. Сувориным и роль Нины отдал М. Г. Савиной.

Роли были распределены так: Аркадина—Дюжикова, 1-я, Трещев—Аполлопский, Сорин—Давыдов, Нина Заречная—Савина, Шамраев—Варламов, Шамраева—Абаринова, Маша—Читау, Тригорин—Сазонов, Дорн—Писарев, Медведенко—Панчин, Яков—Локтев, повар—Тропольский, горничная—Нальханова.

Медлить было некогда. Восьмого октября была назначена считка пьесы «Чайка».

Несмотря на то, что первые артисты были уже знакомы с пьесой, все с напряженным вниманием слушали «Чайку» и досадовали, что ее надо играть на-смах.

На первую репетицию М. Г. Савина не приехала.

«Прочти еще раз ночью пьесу, перечитай несколько раз роль Нины, и реши, что не могу играть эту роль»,—писала Мария Гавриловна.—Мне очень неприятно огорчать отка-

зом от роли автора и бенефициантку, и, если это нужно, я готова сыграть Машу».

Но Маша была уже отдана Читау.

Я сейчас же известил об отказе М. Г. Савиной А. С. Суворина и предложил передать роль Нины Коммиссаржевской. Суворин согласился.

Первая репетиция, к великой моей досаде, прошла кое-как.

Какая репетиция без главного действующего лица!

С тревогой в душе я, после репетиции, поехал к Коммиссаржевской просить ее взять на себя роль Нины.

Артисты народ самолюбивый и очень не любят, когда им дают роль после отказа от нее другого артиста.

В. Ф. Коммиссаржевская просила прочесть пьесу и вечером обещала дать ответ.

Требование ее было вполне законно; но волновался я страшно...

Вдруг откажется!

Но В. Ф. Коммиссаржевской очень понравилась и пьеса, и роль Нины, и она с охотой согласилась ее играть.

Вторая репетиция прошла с тетрадками в руках актеров, в «разборке мест». Один только Н. Ф. Сазонов репетировал, зная наизусть роль Тригорина.

Я Богом молил актеров, в виду малого количества репетиций, поскорей выучить роли. Необходимо было установить основной тон пьесы и затем приступить к детальной разработке характеров и общих сцен.

Нядо отдавать справедливость артистам,—они все работали с необыкновенным увлечением, с тем художественным пылом, который охватывает актера, когда он чувствует в авторе истинного художника.

Репетиции затягивались с 11 час. утра до пяти-шести вечера. Мы по несколько раз повторяли одну и ту же сцену, перedelывали планировку, добивались верных тонов, соответствующих пьесе настроений. Актеры волновались, спорили между собой и со мной, горячились, нервничали...

В. Ф. Коммиссаржевская волновалась, конечно, больше всех.

Чем больше она репетировала, тем сильнее ей нравилась роль. Она очень скоро нашла верный тон для Нины Заречной и уже с третьей репетиции жила на сцене.

В. Н. Давыдов, репетировавший с изумительной тщательностью, виртуозно намечал Сорина. Н. Ф. Сазонову не давался Тригорин, и он не раз на репетициях впадал в отчаяние... Р. Б. Аполлонский тоже не сразу нашел тон для декадента-неврастеника Треплева. Умная А. Дюжикова правильно рисовала очертания характера Аркадиной, этой самодоволь-

ной эгоистки, не лишенной чисто актерской, поверхностной сентиментальности. Переигрывала М. М. Читау Машу, стараясь сделать ее характерной. К. А. Варламов, как сказочная птица Сирин, сочно и ярко пел Шамраева. Красиво, хотя сухо, намечал Писарев Дорна и в достаточной степени тупой, чувственно-любимый была А. И. Абарина. Совсем не удавалась роль Медведенко А. С. Панчину.

Я хорошо чувствовал, как трудно большинству артистов Александринского театра, привыкшим за последние годы играть преимущественно репертуар Викт. Крылова и вообще легкую комедию, близкую фарсу, исполнять жизненную, тонкую, полную полутонов и настроений пьесу Ант. Павл. Чехова. Но я видал, с каким удовольствием, с какой любовью они репетировали, стараясь передать характер и колорит произведения Чехова.

На четвертую репетицию приехал в театр Антон Павлович Чехов.

Ант. Павл. Чехов, аккуратно приходя каждый день в театр с И. Н. Потапенко, принимал живое, деятельное участие в репетициях. Он, видимо, очень волновался, хотя и не хотел этого показать.

То и дело он вставал с своего кресла у суфлерской будки, уходил за кулисы и беседовал то с тем, то с другим из артистов.

Чехова коробил всякий фальшивый звук актера, затрепанная, казенная интонация. Несмотря на свою стыдливую деликатность, он нередко останавливал среди сцены актеров и объяснял им значение той или иной фразы, толковал характеры, как они ему представляются, и все время твердил:

— Главное, голубчики, не надо театральности... Просто все надо... Совсем просто... Они все простые, заурядные люди...

Когда перед сценой, сколоченной из досок в саду Сорина, появились две актрисы, изображающие тени, А. П. замахал руками:

— Зачем?.. Зачем эти девы!.. Понимаете, там ничего этого не было... Просто, два плотника, вот которые строили сцену, завернулись в простыни и стали по бокам. Вот и все!.. Вот и тени!

Я боялся, что появление из-за кустов закутанных в простыни плотников вызовет смех публики и нарушит настроение перед монологом Нины Заречной, и уговорил оставить актрис.

Антон Павлович нехотя согласился.

К В. Ф. Коммиссаржевской Чехов вначале относился недоверчиво и очень огорчался отказом М. Г. Савиной.

— Талант Савиной я знаю... А Комиссаржевская для меня величина неизвестная...—с грустной улыбкой говорит мне Антон Павлович.—Боюсь я...

Но уже после первой репетиции Ант. Павл., видимо, успокоился за роль Нины и, прощаясь со мной, на мой вопрос: как ему нравится Нина—Комиссаржевская? ответил: «Ничего... Она сыграет»...

Присутствие на репетициях Антона Павловича оживляло, поднимало актеров. Работа шла нервно, лихорадочно. И чем дальше подвигались репетиции, тем спокойней становился Антон Павлович.

Помню, мы вышли вместе с Ант. Павл. и Игн. Н. Потапенко из Михайловского театра, где репетировали «Чайку».

Комиссаржевская уже овладела ролью Нины, и в этот раз была, что называется, в ударе.

— Ну, если она так сыграет на спектакле, будет очень хорошо!..—сказал, пощипывая бородку, Антон Павлович.—Лучше не надо!..

Игнатий Николаевич Потапенко был в восторге от Комиссаржевской в роли Нины.

Мало-по-малу артисты достигли общего тона. Получались должные настроения, уже чувствовался ансамбль... Пьеса шла в мягких, жизненных интонациях. В. П. Давыдов, В. Ф. Комиссаржевская давали тон всей пьесе. Р. В. Аполлонский играл очень нервно, но грубовато. Н. Ф. Сазонов не дал Тригорина, которого хотел видеть Чехов. Он был слишком определен, не гибок, мало интеллигентен, если можно так выразиться. Суха и некрасочна, хотя верна намеченному рисунку, была Дожикова. Остальные репетировали в мягких тонах, довольно выдержанно. И только К. А. Варламов своей яркой, сочной игрой вылезал из рамы.

Все, что можно было сделать в невероятно короткий срок, в восемь репетиций, для такой тонкой пьесы полутонов, как «Чайка»,—все было сделано.

Генеральная репетиция прошла гладко с ансамблем, но вяловато. Чувствовалось, что у актеров опустились нервы, не было настроения, огня...

Антону Павловичу понравились декорации, обстановка, гримы, но он больше, чем кто-нибудь, чувствовал, что пьеса идет без подъема, без настроения...

В зрительном зале на генеральной репетиции сидела почти вся драматическая труппа, театральные чиновники и их родственники...

Антон Павлович в одном из антрактов обвел глазами сидящую публику и как бы про себя спокойно проговорил:

— Пьеса не понравится... Она не захватывает...

— Что за пустяки!.. Почему вы так думаете?...—протестовал я.

— А вы посмотрите на выражение лиц у публики... Она скучает... Им неинтересно...

Я, конечно, стал разубеждать Антона Павловича, но в душе сам боялся за успех пьесы.

Не поймет публика всех этих тонких настроений, этой глубокой, некрикливой, жизненной драмы...—думал я.—Другое, совсем другое привыкли видеть стены Александринского театра за последние годы.

В предыдущем сезоне здесь жужжала «Первая муха», резвилась «Вава», смешила публику бесподобная игра М. Г. Савиной в «Генеральне Матрене» и В. Н. Давыдова в немецкой пьесе «Сверх комплекта». «Чайка» залетела сюда, как первая ласточка новой весны, и потому-то мне стало страшно за нее.

Е. И. Левкеева, талантливая комическая актриса, с легкой склонностью к шаржу, была одной из любимиц публики Александринского театра. У нее была своя, особенная публика—средний обыватель, полуйнтеллигент-чиновник, богатый гостиниодворец, домовладелец, приказчик. Словом, та публика, которая приходит в театр посмеяться, развлечься, «с приятностью провести время».

Сверху до низу набита эта публика Александринский театр в день 25-летнего юбилея Е. И. Левкеевой, несмотря на весьма повышенные цены. Петербургский «высокий интеллигент» вообще не жаловал в то время Александринского театра. Многие выдающиеся писатели по целым годам там не бывали, а ити на юбилей Е. И. Левкеевой, по высоким ценам, доставать загодя билеты, записываться,—нет, не стоит игра свеч!..

Интеллигентная публика, за весьма малым исключением, отсутствовала. В театре сидел зритель, пришедший на бенефис комической актрисы повеселиться, посмеяться, приятно провести вечерок. И среди этого благодушного обывателя торчал все-где жалко настроенный, угрюмый, вечно всем недовольный, скучающий газетный рецензент и два-три литератора, близкие друзья автора.

Таков был зрительный зал на первом представлении чеховской «Чайки» в Александринском театре, 17 октября 1896 года.

Открыли занавес.

В первом же явлении, когда Маша предлагает Медведенко понюхать табак и говорит: «Одолжайтесь!», в зрительном зале раздался хохот...

Когда Сорина—Давыдова вывели на сцену в кресле, (на чем настаивал Антон Павлович), публика покатила со

смеху. Кос-кто зашпикал, чтобы унять неуместный смех. Но «весело настроенную» публику было трудно остановить. Она придиралась ко всякому поводу, чтобы посмеяться... Фразы Сорины, сказанные без всякого подчеркивания, в роде: «У тебя маленький голос, но противный», вызвали хохот. Выход Варламова—Шамрасва с фразой «В 1873 году»—хохот... Появляются из-за куста тени,—необыкновенное веселье в зрительном зале.

Нина—Коммиссаржевская нервно, трепетно, как дебютантка, начинает свой монолог:

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...»

Неудержимый смех публики...

Коммиссаржевская повышает голос, говорит проникновенно, искренно, сильно, нервно...

Зал затихает, Напряженно слушают. Чувствуется, что артистка захватила публику.

Но вопрос Аркадиной: «Серой пахнет! Это так нужно?..» снова вызывает гомерический хохот...

Лучшие места первого действия пропали, непонятые «веселой публикой».

Конец акта прошел благополучно, и когда закрылся занавес, раздался аплодисменты.

Актеры вышли на вызов.

В. Ф. Коммиссаржевская, взволнованная, со слезами на глазах, бросилась ко мне со словами:

— Что же это за ужас!.. Я провалила роль... Чему они смеются?

Я успокоил ее, сказав, что она превосходно сыграла первый акт, что если и дальше она будет играть с таким подъемом, то, наверно, захватит публику.

Второе действие прошло недурно.

Варламов в своей сцене с Аркадиной снова вызвал смех всего зала и ушел под аплодисменты.

Сцена между Тригорным и Ниной не произвела должного впечатления. Сазонов—Тригорин провел свою роль с искусственной актерской техникой, но малохарактерно. В нем не чувствовался писатель. Его жалобы на свою писательскую долю, на ужасы его жизни, на его мучения, неразлучные с творчеством, звучали неубедительно. В них не было глубины страдания, надрыта, «меланхоличности», а, главное, не было искренности.

Чудный по художественной простоте конец второго акта публика не оценила.

Она, очевидно, ждала совсем иного, и разочаровалась.

Третий акт доставил публике много веселья.

Выход Треплева с повязкой на голове—смешок в зале. Аркадина делает перевязку Треплеву—неудержимый хохот.

Конец сцены между Аркадиной и Треплевым, когда они начинают надевать друг друга такими эпитетами, как «Декадент, киевский мещанин, скряга, оборвыш!» веселит публику.

Варламов—Шамраев в своем монологе об актере Измайлове и его оговорке: «Мы попали в записку...» снова вызывает смех. И последняя, финальная сцена третьего акта пропадает.

Шум в зале. Вызовы автора и актеров... Шиканье...

Ко мне в кабинет, бледный, с растерянной, застывшей улыбкой, входит Антон Павлович...

— Автор провалился...—говорит он не своим голосом...

— И почему они все смеются, идиоты!..—с раздражением замечает Н. Ф. Сазонов.

Меня вызывают на сцену.

В. Ф. Коммиссаржевская вся дрожит в нервном припадке.

— Я боюсь, Евтихий Павлович, повторять монолог первого акта... Они опять будут смеяться. Я уйду со сцены... Это пытка... Я не могу...

— Ничего, Вера Федоровна, обойдется...—успокаиваю я...—У вас до монолога трогательная сцена... Только вы не заворачивайтесь в простыню... Публика такая, что одно рискованное движение—и смех...

— Да, да... Я не буду заворачиваться в простыню... Вы скажите Антону Павловичу...

— Хорошо, хорошо... Я скажу... Начинаем... Давайте занавес.

Стою в темноте за кулисами и с нервным напряжением слушаю, что-то будет.

Коммиссаржевская ведет сцену превосходно. С необычайно нервным настроением. Тонко, проникновенно и до слез трогательно. Р. Б. Аполлонский, видимо, зараженный ее настроением, играет с подъемом.

С замиранием сердца, жду я монолога Нины.

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки»...—начинает Коммиссаржевская.

В зале гробовая тишина. Ни одного смешка.

Мимо меня в темноте проходит Антон Павлович. Останавливается на минутку, прислушивается. Пожимает мне руку и неслышно отходит.

Коммиссаржевскую провожают со сцены аплодисментами.

По окончании пьесы, вызывают автора и артистов.

Но Антона Павловича уже нет в театре. Актеры выходят одни.

И до сего дня я не могу без волнения вспоминать этого знаменательного вечера первого представления «Чайки».

Вижу бледное лицо Ант. Павл. Чехова, с растерянной, застывшей улыбкой, слышу тусклый, хриплый голос, которым он произнес фразу: «Автор провалился».

На другой день утром ко мне в театр приехал А. С. Суворин, расстроенный, огорченный за Чехова до болезни.

Он сообщил мне, что Ант. Павл. с утренним поездом уехал в Москву, и просил его совместно со мной сократить пьесу и выбросить кое-какие ремарки.

21 октября «Чайка» шла во второй раз, со сделанными А. С. Сувориным и мной небольшими купюрами и измененными ремарками.

Театр был переполнен. Публика (не бенефисная) с полным вниманием слушала пьесу.

«Чайка» имела выдающийся успех, но... было поздно.

Все газеты оповестили уже о провале «Чайки» на первом представлении в Александринском театре.

Пьеса прошла пять раз при полных сборах и при неослабном успехе. Она была снята с репертуара дирекцией театров, несмотря на мой энергичный протест.

(Чеховская библиотека. О Чехове. Сборник воспоминаний, стр. 61—75).

Евтихий Карпов.

Комментарий

Карпов Евтихий Павлович (1857–1926) – драматург, режиссер Александринского театра с 1896 по 1900, затем с 1916 по 1926; режиссёр Суворинского театра с 1900 по 1916 годы.

Помнится, в августе я получил от Антона Павловича письмо... – это письмо А.П. Чехова неизвестно.

Всеволожский Иван Александрович (1835–1909) – русский театральный и музейный деятель, сценарист, художник, тайный советник, обер-гофмейстер. В 1881–1899 годах – директор императорских театров.

Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя и фам. – Горелов Иван Николаевич) русский и советский актер, театральный режиссер, педагог. Заслуженный артист Императорских театров. С 1880 до 1924 года служил в Александринском театре. С 1886 по 1888 год играл в Театре Ф.А. Корша. С 1924 года и до конца жизни – актёр Малого театра. Первый исполнитель роли Иванова в одноименной пьесе А.П. Чехова в постановке Театра Ф.А. Корша (1887) и Александринского театра (1889).

Савина Мария Гавриловна (урожд. Подраменцова) (1854–1915) – русская актриса, заслуженная артистка Императорских театров. Из чеховского репертуара Савина сыграла в Александринском театре Сашу на премьере «Иванова» (1889), Сарру («Иванов», 1889), Аркадину («Чайка», 1896) и Раневскую («Вишнёвый сад», 1905).

Писарев Модест Иванович (1844–1905) – русский актёр, педагог, критик, дальний родственник Д.И. Писарева, муж актрисы П.А. Стрепетовой, один из организаторов «Товарищества русских актёров» (совместно с В. П. Андреевым-Бурлаком).

Сазонов Николай Фёдорович (1843–1902) – русский актёр, артист Александринского театра. Заслуженный артист Императорских театров (1900). Первый исполнитель роли Тригорина в спектакле Александринского театра «Чайка» по пьесе А.П. Чехова.

Комиссаржевская Вера Фёдоровна (1864–1910) – русская актриса, старшая дочь оперного певца Ф.П. Комиссаржевского, сестра актрисы Н.Ф. Скарской и режиссёра Ф.Ф. Комиссаржевского, организатор и руководительница Драматического театра В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге (1904–1909). Первая исполнительница роли Нины Заречной в спектакле Александринского театра «Чайка» по пьесе А.П. Чехова.

Аполлонский Роман Борисович (1864–1928) – русский и советский актёр театра и кино, театральный деятель. Заслуженный артист Императорских театров. С 1881 года в труппе Александринского театра. Первый исполнитель роли Треплева в спектакле Александринского театра «Чайка» по пьесе А.П. Чехова.

Стрепетова Пелагея Антипьевна (1850 –1903) – русская актриса. В 1876 году впервые выступила на сцене Александринского театра. С 1881 по 1890 в Александринском театре сыграла свыше 30 ролей. В постановке «Иванова» по пьесе А.П. Чехова исполняла роль Сарры (Анны Петровны).

Абаринова Антонина Ивановна (1842–1901) – русская оперная певица (контральто, впоследствии меццо-сопрано) и драматическая актриса. В 1874 году брала уроки у Полины Виардо в Париже. Выступала на провинциальной сцене. В 1872 году успешно исполнила в Петербурге партию Периколы в оперетте Оффенбаха «Птички певчие», после чего была зачислена в штат Императорских театров в Санкт-Петербурге, где с успехом исполняла разнообразные роли, как русского, так и

иностранный репертуара. В 1878 году покинула оперу и до конца жизни служила в Александринском театре. Первая исполнительница роли Шамраевой в постановке Александринского театра «Чайка» по пьесе А.П. Чехова.

Стрельская Варвара Васильевна (наст. фам. Старова, по мужу – Стуколкина) (1838–1915) – русская актриса. Заслуженная артистка Императорских театров (1905). Вышла на сцену театра впервые в три года – на подмостки её вывел сам М. С. Щепкин. С шести лет обучалась в Петербургском театральном училище сначала балету, а затем драме; в годы учёбы начала выступать на казённой сцене в балетах и в драматических спектаклях. По окончании училища в 1857 году дебютировала в Александринском театре. Исполнительница роли Авдотьи Назаровны в постановке «Иванова» по пьесе А.П. Чехова.

Свободин (Вольф; Козиенко; Матюшин) Павел Матвеевич (1850–1892) – русский актёр, писатель, близкий друг А.П. Чехова. Служил в Театре Ф.А. Корша и Александринском театре, где играл роли и в пьесах А.П. Чехова. Исполнитель роли Шабельского в постановке «Иванова» по пьесе А.П. Чехова.

Далматов Василий Пантелеймонович (наст. фам. – Лучич) (1852–1912) – русский актёр. Играть начал в Одессе на любительской сцене, затем – в провинциальных труппах. В 1873–1876 годах – актёр Московского общедоступного театра (Фердинанд, Карл Моор в пьесах Ф. Шиллера). В сезоне 1880–81 годов – в Пушкинском театре А. А. Бренко, после его закрытия перешёл в труппу Ф. А. Корша. С 1884 года в Александринском театре, где служил до 1894 года и с 1901 года до конца жизни. Был директором театральной школы А.С. Суворина. Исполнял роль Боркина в постановке Александринского театра «Иванов» по пьесе А.П. Чехова.

Варламов Константин Александрович (1848–1915) – русский актёр, заслуженный артист Императорских театров. Исполнитель ролей в постановках пьес А.П. Чехова в Александринском театре: Лебедев («Иванов», 1889); Шамраев («Чайка», 1896), Ревунов-Караулов («Свадьба», 1902), Симеонов-Пищик («Вишнёвый сад», 1905).

Арди Николай Иванович (настоящая фамилия Нечаев) (1834–1890) – театральный актёр. На театральных подмостках стал выступать с 1855 года и в течение 16 лет играл на лучших провинциальных сценах: Харькова, Одессы, Казани и др., преимущественно опереточные и водевильные роли с пением. Составив себе имя, Арди приехал в Петербург; здесь он играл сначала на сцене «Благородного собрания», а затем, 22 ноября 1871 года, дебютировал на Александринской сцене. Исполнитель роли Косых в постановке «Иванова» А.П. Чехова в Александринском театре.

... в памяти была жива постановка его пьесы «Иванов» – Пьеса «Иванов» во второй редакции была поставлена в Александринском театре впервые 31 января 1889 года, в бенефис режиссера театра Ф.А. Федорова-Юрковского.

В середине сентября я получил в отписках «Чайку» – отписки пьесы из журнала «Русская мысль», где пьеса была впервые опубликована (№ 12 за 1896 год).

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – русский писатель, поэт, публицист и драматург.

«Месяц в деревне» – пьеса И. С. Тургенева, написанная в 1850 году и опубликованная в журнале «Современник» в 1855 году. Первая постановка – в Малом театре в 1872 году. В Александринском театре ставилась в 1879 и 1903 годах.

Янов Александр Степанович (1857–1918) – русский художник, живописец, график, сценограф. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1874–1886) у Е. С. Сорокина в одно время с Н.П. Чеховым. В 1885–1886 годах Янов вместе с В. М. Васнецовым и И. И. Левитаном участвовал в оформлении первой постановки Русской частной оперы (представления шли до 1904 года) Саввы Мамонтова «Русалка». Создавал декорации для Московского частного театра Фёдора Адамовича Корша. В 1888 году Янов был принят на службу в Санкт-Петербургские казённые театры. Переехав в Санкт-Петербург, посещал классы Императорской Академии художеств (с 1888). Состоял в должности декоратора Императорских театров (1891–1907). Был знаком с А. П. Чеховым, члены семьи Янова были его пациентами в середине 1880-х годов.

Левкеева Елизавета Ивановна (1851–1904) – русская актриса. В 1896 году отмечалось двадцатипятилетие её сценической деятельности, и для своего юбилейного бенефиса Левкеева выбрала чеховскую «Чайку». Рассматривая возможность исполнения ею роли Полины Андреевны, А.П. Чехов писал: «Если эту роль отдать Левкеевой, то, пожалуй, публика станет ждать от этой роли чего-нибудь смешного и разочаруется. Ведь Левкеева пользуется славой комической актрисы, и эта слава может задавить роль». Левкеева вышла во второй пьесе бенефиса в роли Сандыревой («Счастливый день» Н. Я. Соловьёва). Роль Шамраевой сыграла А. И. Абаринова.

«*Пашенька*» – пьеса Н. Л. Персияниновой (Рябовой), премьера которой состоялась 7 октября 1896 года в Александринском театре, Е.И. Левкеева в постановке пьесы не была занята.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – русский писатель, издатель. По воспоминаниям актрисы М.М. Читау «Роли в «Чайке» распределял сам А. С. Суворин. М. Г. Савина должна была играть Нину Заречную, Дюжикова 1-я – Аркадину, Абаринова – Полину Андреевну, Машу – я. В главных ролях из мужского персонала участвовали: Давыдов, Варламов, Аполлонский, Сазонов».

Дюжикова 1-я – Дюжикова Антонина Михайловна (1853–1941), артистка Александринского театра с 1873 по 1902 год. Первая исполнительница роли Аркадиной в «Чайке» А. П. Чехова. Чехов был недоволен её исполнением (см.: *Прокофьев В.* Легенда о первой пост. «Чайки» // Театр. 1946. № 11. С. 52). «Дюжикова не портила роль, она как будто бы играла саму себя – стареющую примадонну, элегантную, подтянутую, следящую за собой и ревниво относящуюся к молодым дарованиям... Однако при всем мастерстве, добросовестности и психологической убедительности актрисы, в ее Аркадиной не было и не могло быть определенной изюминки, особого блеска, артистизма, актерства, властности, некоторой “стервозинки”, которые и составляют существо Аркадиной...» (*Чепуров А.А.* Александринская «Чайка». СПб., 2002. С. 54).

Читау Мария Михайловна (Огарёва; по мужу Кармина) (1860–1935) – актриса Александринского театра с 1878 г. по 1900 г., литератор, педагог. Первая исполнительница роли Маши в постановке «Чайки» А.П. Чехова. Сохранились её воспоминания о первой постановке «Чайки» в Александринском театре.

Панчин Александр Семёнович (1858–1906) – актёр Александринского театра с 1878 по 1906 год. Первый исполнитель роли Медведенко в постановке «Чайки» А.П. Чехова.

Локтев Дмитрий Никанорович (1840?–1910) – актёр Александринского театра с 1880 по 1907 год. Первый исполнитель роли Якова в постановке «Чайки» А.П. Чехова.

Яковлев-Тропольский Иван Константинович (?–1906) – актёр Александринского театра с 1880 г. по 1903 г. Первый исполнитель роли повара в постановке «Чайки» А.П. Чехова.

Нальханова Александра Николаевна (1860 – после 1925) – актриса Александринского театра с 1891 г. по 1909 г. Первая исполнительница роли горничной в постановке «Чайки» А.П. Чехова.

... репертуар Виктора Крылова... – Крылов Виктор Александрович (псевд. Виктор Александров) (1838–1906), русский драматург, поэт, критик. В 1893–1898 годах Крылов был начальником репертуарной части петербургских Императорских театров. Автор 125 пьес. Заслужил репутацию «драмадела» и автора «драматургического мусора» из-за большого количества пьес, в том числе переделок из иностранных оригиналов. В переписке А. П. Чехова имя В. А. Крылова возникает чаще всего в ироничном контексте. Впрочем, в письме от 3 декабря 1892 года А. С. Суворину Чехов отмечал: «Читали ли Вы в "Русской мысли" статью В. Крылова о заграничных театрах? Этот человек любит театр, и я верю ему, хотя я не люблю его пьес».

Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) – русский прозаик и драматург. Потапенко принимал участие в переговорах с цензурным комитетом и по поручению А. П. Чехова заботился о переписке экземпляров пьесы «Чайка» и внесении необходимых авторских изменений для цензуры.

«Автор провалился» – А.П. Чехов ушел из зрительного зала после второго акта, когда провал пьесы был уже очевиден. Просидев до конца спектакля в уборной Левкеевой, он ушел из театра и до двух часов ночи бродил по городу. 18 октября в 12 часов дня первым товаро-пассажирским поездом уехал в Мелихово.

21 октября «Чайка» шла во второй раз. – Пьеса шла с небольшими купюрами и измененными ремарками, сделанными А. С. Сувориным и режиссером Е. П. Карповым. («С Вашими поправками я согласен - и благодарю 1000 раз», – писал Чехов Суворину 22 октября).